

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_36

EDN: TFYCUA

Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 1

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа ворона в китайской и русской поэзии. Ворон рассматривается как один из орнитоморфных архетипов, выступающий в качестве инструмента исследования закономерностей исторического развития и приобретающий статус метатеоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа ворона в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений. В первой части исследования анализируется ворон как смертельный символ, неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий, орнаментирующий батальные сцены или выступающий в роли демона апокалипсиса (Ли Лянь, Цюй Юань, А. Пушкин, А. Белый, А. Блок, И Бунин, К. Вагинов), и ворон как символ вневременности, мирового порядка, хранитель тайн мироздания, связующая нить между миром живых и царством мертвых, обладающий мудростью, недоступной человеческому разуму (Н. Гумилев, Ф. Сологуб, М. Петровых, К. Бальмонт, В. Павлова, Б. Окуджава, И. Одоевцева, И. Бунин). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных (степь, река, кладбище, горы и т. д.) и историко-мифологических реалий. Образ ворона рассматривается как многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные качества и символические значения: мудрость, долголетие, беспристрастность, любовь к свободе, жестокость, справедливость, тоску, одиночество, безысходность, он выполняет функции хранителя тайн бытия и восстанавливает экзистенциальную справедливость.

Ключевые слова: культурный символ; мегатекст; мифология; образ ворона; аллегория; экзистенциальный кризис; метафизическое время; русская лирика; китайская лирика; философия; мировоззрение; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 36–47. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_36. <https://elibrary.ru/TFYCUA>

Original article

Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 1

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng str. 2, PRC

²Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technology. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoe shosse, 31a

¹e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The article analyzes the symbolic potential of the raven image in chinese and russian poetry. The raven is considered as one of the ornithomorphic archetypes, acting as a tool for studying the patterns of historical development and acquiring the status of a meta-theoretical category which serves as a source of new cultural knowledge. On the example of chinese and russian poems of different epochs, the authors consider the peculiarity of the raven's artistic representation in lyrical texts and reveal a wide range of its symbolic meanings. The first part of the study analyzes the raven as a mortal symbol, a constant accessory to war and cataclysms, terrible diseases and natural disasters, ornamenting battle scenes or acting as the demon of the apocalypse (Li Lian, Qu Yuan, A. Pushkin, A. Bely, A. Blok, I. Bunin, K. Vaginov), and the raven as a symbol of timelessness, the world order, the guardian of the mysterious universe, the link between the world of the living and the realm of the dead, possessing wisdom beyond the reach of the human mind (N. Gumilev, F. Sologub, M. Petrov, K. Balmont, V. Pavlova, B. Okudzhava, I. Odoevtseva, I. Bunin). The analysis highlights the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, on the natural (steppe, river, cemetery, mountains, etc.), historical and mythological realia accompanying the key symbol. The image of the raven is considered as a multidimensional entity combining various qualities and symbolic meanings: wisdom, longevity, impartiality, love of freedom, cruelty, justice, longing, loneliness, hopelessness; it functions as the guardian of the mysteries of existence and restores existential justice.

Key words: cultural symbol; megatext; mythology; raven image; allegory; existential crisis; metaphysical time; russian lyrics; chinese lyrics; philosophy; worldview; lyrical hero

This article was prepared thanks to support of the Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University of the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 1. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(1):36–47. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_36. <https://elibrary.ru/TFYCUA>

Введение

«And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming» [Poe, 1988, с. 158]. («Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте» Эдгар По), «Sois donc le crieur du devoir, Ô notre funèbre oiseau noir!» [Rimbaud, A, 1988, с. 451] («Так будь глашатаем долга, наша погребальная черная птица» Артюр Рембо), «Krähe, <...>/ Meinst wohl bald als Beute hier/Meinen Leib zu fassen?» [Müller, 2015, с. 23] («Ворон, <...> ты думаешь, что скоро получишь мое тело в качестве добычи?» Вильгельм Мюллер), «Qual dextrocorvo o qual manca cornice / canti 'l miofato, o qual Parcal'innaspe?» [Petrarca, 2004, с. 267] («Что мне предскажут ворон и сорока?/Чьи руки держат нить судьбы моей?» Франческо Петрарка). Подобные цитаты, встречающиеся в творчестве поэтов самых разных стран и эпох свидетельствуют о том, что образ ворона – один из наиболее значимых и частотных в литературной орнитологической парадигме. Он широко представлен в стихотворениях А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, А. Белого, К. Бальмонта, Ху Ши, Ли Бо Чжан Цзи и др. В настоящей статье мы будем рассматривать образ ворона как один из компонентов орнитологического дискурса русской и китайской поэзии, поскольку именно в этих странах интересующий нас образ обладает большим количеством значений, поражая читателя порой странными сходствами и не менее удивительными разрывами, расхождениями.

Благодаря широкому распространению в мифологии, птица стала семиотическим кодом практически во всех мировых культурах. Образы птиц нашли свое отражение в литературе, фольклоре, живописи, геральдике и т. д. Исследователи отмечали, что «символический образ птицы, воплотивший в себе устойчивый архетип, объясняющий реальность, открывает нам наиболее древнюю форму восприятия человеком действительности. В формате современной науки понятие „орнитоморфный архетип” выступает как инструмент исследования закономерностей исторического развития, приобретая статус мета-теоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре» [Рябцева, 2019, с. 226]. Изучая и сопоставляя образы птиц в мифопоэтическом пространстве разных народов, можно выявить общие закономерности в их историческом, культурном развитии. Природа – это наиболее устойчивый культурный код, поскольку с течением времени она практически остается неизменной. Эту особенность заметил М. Эпштейн в работе «Природа, мир, тайник вселенной»: «Если образ правителя и вера суть изменчивые, исторически подвижные черты народной физиономии, то климат, ландшафт, флора и фауна накладывают на нее родовой отпечаток» [Эпштейн, 1990, с. 18]. Рассмотрение орнитологического дискурса как части зооморфного кода представлен в литературоведении и культурологии достаточно широко [Абакарова, 2017, Бычков, Лукина, Рэш, 2019, Цзин Цзинши, 2021,

Джанумов, 2019, Абашева, 2019, Федотов, 2019, Верина, 2019, Грудева, 2015, Дубинина, 2016, Эпштейн, 1990, Бельская, 2016 и др.]. Накопленный опыт сопоставительного анализа позволил ученым прийти к заключению, что «расшифровка [кода, в том числе орнитологического] дает своего рода ключ к пониманию многих спорных моментов в формировании этических и эстетических критериев, свойственных этническому сознанию» [Хань, 2015, с. 28].

Среди всех героев литературной орнитологии, фигура ворона, пожалуй, является самой противоречивой. В постхристианскую эпоху образ большой черной птицы, издающей зловещее карканье, стал прочно ассоциироваться со смертью, болезнями или природными катаклизмами. Не случайно существует множество примет, связанных с воронами: если вороны каркают и кружатся над домом, то это к несчастью; если эта птица идет по дороге рядом с домом, то в нем возможно скоро случится воровство; утром стая ворон собирается у дома и начинает каркать на него, это не к добру, возможно, к гибели человека и т. д. В художественной литературе ворон нередко сопровождается эпитетами «злокий», «кровавый», «зловещий». Однако подобные представления о птице главенствовали не всегда. Древние люди почитали воронов за вековую мудрость, наблюдательность, силу и отвагу. В германо-скандинавской они служили Одину: Хугин и Мугин олицетворяли «Мысль и Память» и символизировали высшее сознание. Наблюдая за деяниями смертных, они сообщали Одину, кто достоин награды, а кто – возмездия. В славянской мифологии воронов чествовали как слуг Чернобога. Упоминания о черных птицах встречаются и в памятниках древнерусской письменности. В Древнем Китае трехлапый ворон символизирует само мироздание – Небо, Землю и Человека. Также он является символом Солнца. М. Е. Кравцова отмечает, что «солярная эмблема с вороном впервые отчетливо проявляется в художественном творчестве ханьской эпохи» [Кравцова, 2004, с. 408]. Отсюда существовала примета, что увидеть ворона в небе – это добрый знак.

Предметом осмысления в настоящей статье является образ ворона, воплощающий различные аспекты культурной символики народов России и Китая. В отличие от других героев литературной орнитологии – ласточек, кукушек, голубей и т. д. – ворон сочетает в себе различные, нередко даже противоположные значения, что представ-

ляет особый интерес для его анализа. Следует уточнить, что нас будет интересовать именно «corvus corax», то есть ворон обыкновенный – самый крупный и яркий представитель семейства врановых. Удивительно, но иногда возникает путаница в словах «ворон» и «ворона», и часто первое понимается как самец, а второе – самка одной и той же птицы. Но это разные птицы, и соответственно, образы их в культуре имеют разное семантическое наполнение. Так, если ворон олицетворяет вековую мудрость, ворона – глупость (в басне Крылова, например) или коварство (ворона, которая хотела стать котом); ворон – величие, ворона – беспечность (эх ты, ворона!) и т. д. Анализ именно китайской и русской литературы с точки зрения функционирования в ней образа ворона как культурного кода обусловлен прежде всего широким спектром коннотаций и богатством литературного материала. Данный факт позволяет прийти к выводу, что именно для этих культурных структур образ ворона является наиболее значимым.

Следует отметить, что образ ворона уже рассматривался отечественными и китайскими литературоведами [Купчик, 2001, Тропкина 1995, Хань У, 2015], однако в данных работах преобладает анализ эмпирического материала и не представлено концептуально-комплексное осмысление данного образа в русской и китайской культуре. Кроме того, выявлен далеко не весь спектр символических значений образа ворона. Научная новизна состоит в восполнении этих пробелов. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы из отдельных поэтических текстов создать «мегатекст», смысловым ядром которого будет выступать образ ворона, отражающий важные аспекты национальной культуры России и Китая. Проанализировав тексты М. Лермонтова, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Павловой, М. Петровых, Б. Окуджавы, И. Бунина, М. Цветаевой, И. Одоевцевой, Мэна Хаожаня, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюаня и др., мы выделили и сопоставили пять семантических групп, реализующих как универсальные символические коннотации образа ворона, так и индивидуально-авторские окказиональные интенции:

1. Ворон как символ смерти
2. Ворон как воплощение вневременности
3. Ворон как пророк
4. Ворон как символ одиночества
5. Ворон как воплощение свободы

Поскольку «сопоставительное литературоведение основывается на типологическом сопоставлении, <...> изучении сущностно несходных литератур при отсутствии прямых контактных связей» [Хань, 2015, с. 34], в настоящей статье мы предприняли попытку вписать свой фрагмент в корпус литературной орнитологии и обозначить векторы для дальнейшего изучения русско-китайского культурного диалога.

«Я воронов на тризну пригласил, чтоб остров смрадный им предать на растерзанье»: ворон как символ смерти и тления

Ворон как смертельный символ широко распространён во всех культурах. В готической культуре ворон, сидящий на кресте, стал ключевой фигурой и изображался в поэзии, музыке, позднее в художественных фильмах. «У многих народов бытовало представление о том, что душа умершего принимает птичий облик и в таком виде навещает родных, напоминает о себе, объявляет свою волю, оказывает покровительство» [Тропкина, 1995, с. 84]. Подобные мотивы связаны с тем, что ворон – всеяден, он превосходно охотится на грызунов, насекомых, разоряет гнезда других птиц, однако основу его рациона составляет падаль и пищевые отходы человека. Даже надменные таурские птицы, находящиеся на государственном обеспечении, не прочь опустошить местные мусорные баки. Эта их особенность, а также большой размер и чёрный цвет стали тесно ассоциироваться в сознании древних людей со смертью.

Ворон – неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий. Все, что приносит смерть живому, прочно ассоциируется с образом большой чёрной птицы, вонзающий хищный клюв в глазницу поверженного воина: «在中国农村有“乌鸦叫□死神到”的说法□于是乌鸦成了死亡的象征人们对它避之不及，把驱赶» [陈梅, 2007, с. 97] («В сельских районах Китая бытует поговорка, что «ворона зовет, что идет бог смерти», поэтому ворона стала символом смерти, и люди избегают ее» (перевод авторов статьи)).

Ворон не только сопровождает смерть физическую, но и нивелирует важнейшие аспекты человеческого бытия – любовь, надежду, веру и т. д. Множественность коннотаций ворона как смертельного символа обусловлена многозначностью самого понятия «смерть».

В китайской культуре ворон нередко знаменует кровавые битвы. Так, в стихотворении Ли Ляня, китайского поэта времён династии Мин, описано поле сражения: «Со всех сторон дул сильный ветер, поднимая желтую пыль», «К югу от военного города, много горя, в сумерках бродят вороны, клюют кишки и улетают в сторону леса» [李濂撰, 1997, с. 76]. Война здесь изображена как трагедия – индивидуальная и глобальная. Смерть, приобретая массовый характер, стирает жизнь отдельно взятого человека, нивелируя таким образом понятие личности: «Слышны лишь крики призраков, но не известно, кто они» [李濂撰, 1997, с. 76]. Война порождает неведение, что иногда бывает значительно хуже смерти: «Я вижу твое лицо в своих снах, но нигде не могу найти твое тело» [李濂撰, 1997, с. 76]. Невозможность захоронить тело усопшего, не отдать дань памяти и уважения само по себе трагично, но не зная, жив твой близкий человек или нет, вдвойне страшнее. На смену надежде приходит отчаяние и мысли о том, что смерть, может быть, не так страшна, как плен, или тяжелое ранение, или погребение заживо. Смерть рождает великую скорбь: «Многие семьи плачут от горя каждый год во время фестиваля Холодного еды» [李濂撰, 1997, с. 76]. В контексте название этого праздника (дня поминовения усопших) приобретает двойную семантику: для людей – это дань памяти и уважения почившим родственникам, для воронов – возможность насытиться холодными трупами солдат, отдавшие свою жизнь во благо Родины. Таким образом, ворон становится не только символом смерти, но и воплощением нечистой силы, разрушителем древних традиций, которая превращает светлый праздник в кровавое пиршество.

Образ ворона воплощает не только смерть физическую: когда погибает надежда, человек обращается в пепел, будучи еще живым. Пример тому – стихотворение Цюй Юаня «Переправляясь через реку» [Цюй Юань, 2000, с. 81]. Его герой стар телом, но молод душой: он сохранил в облике и поведении черты юности – носит красивую одежду, драгоценности и меч. Мир, окружающий его в долгом странствии, перестал замечать героя, и тот как бы умер для всего сущего:

В грязном и мутном мире
никто обо мне не знает,
Но я на него, в гордыне,
вниманья не обращаю
[Цюй Юань, 2000, с. 81]

Погружаясь в воспоминания все глубже, герой осознает, что время былых побед и мудрых правителей прошло, и что смерть постепенно приходит за теми, кто некогда был овеян славой: их деяния, лица стираются, но герой сопротивляется тлению:

Впряжен в мою колесницу
черный дракон рогатый,
А пристяжными – пара
безрогих драконов белых
[Цюй Юань, 2000, с. 81]

Антитеза «черный» – «белый» выражает идею противостояния жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла. Но осознавая, что прошлого не изменить, не остановить ход времени, герой погружается в мир грез: «хотел бы я...», «хочу», «желаю» и т. д. Но вместо достижения желаний, он получает осознание конечности жизни, тщету настоящего и утрату прошлого не только персонального, но и героического прошлого его родины, и он сдается:

И я коней распрягаю –
пускай погуляют вволю,
Пусть постоит колесница
возле зимнего леса.
[Цюй Юань, 2000, с. 82]

Колесница символизирует силу, могущество, власть человека над собственной жизнью, река – стремление времени, а лодка, на которой герой хочет отправиться в путешествие – смерть, переправу через время. Этот образ восходит к древнему мифу о Хароне, переправляющем души в мир мертвых. Но лодка медлит, и уставший герой вынужден ждать. Об утрате жизненных сил свидетельствует и пейзаж – снега. Для мира он потерян, поскольку «прошло время луаней и фениксов» [Цюй Юань, 2000, с. 82] – мудрых правителей – и пришло царство «ласточек и воронов» – грабителей, убийц, мародеров. Образ хищных птиц усиливается элементами пейзажа: Лотос – цветок счастья и благополучия – завял у дороги. Смерть уже заполонила и время, и пространство, а герой обратился безликой тенью, незримой для сущего, и вынужден скитаться по свету в надежде на скорую кончину, слушая крики воронов, напоминающих ему о тщете сущего.

Ворон как воплощение смерти широко представлен в русской культуре. В художественной литературе, отражающей войну, образы хищных

птиц, волков с окровавленной пастью, сопровождают практически каждую сцену сражений. Об этом не раз говорили историки и литературоведы [Нагина, 2017, Хазанкович, 2009, Бобылева, Есеева, 2014, Болдырева, Линлу Ао, Сунь Жань-жань 2018 и др.]. Поэтому мы обратимся к образу ворона как символа смерти духовной и рассмотрим ряд стихотворений, где черная птица реализует индивидуально-авторские коннотации.

В ряде стихотворений ворон является отражением постреволюционной России. Об этом можно прочесть у А. Блока, А. Белого, в творчестве которых революция выступает как апокалиптическая сила, движимая четырьмя всадниками – бездуховностью, глупостью, жестокостью и бессмысленностью. В это контексте интересно стихотворение И. Бунина «Степь» [Бунин, 2014, с. 1103]. В центре его – синий ворон с окровавленным клювом. Цвет птицы нетипичен и выделяет его из ряда прочих воронов, которые, не смея приблизиться, «косились и прядали». Выделяется он не только необыкновенной палитрой, но и поведением. Отпугнув конкурентов, он забирает себе всю пищу и поглощает ее без остатка:

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань
[Бунин, 2014, с. 1103]

Исходя из поведения птицы, можно понять, что он – Король воронов, жестокий и властный правитель. Использование словоформ с уменьшительно-ласкательными аффиксами, а также особой ритмической организации (дактилической рифмы) сближает текст с традиционной народной песней и древнерусской культурой. Здесь содержится идея, что кто бы ни правил русской землей, он, ослепленный властью (ворон выклеывает покойнику глаза), будет нести горе и смерть своему народу, и традиционная нравственная чистота синего цвета оборачивается хладнокровием, и потому заключительные строки стихотворения звучат особенно трагично:

Сторона ли моя ты, сторонюшка,
Вековая моя глухомань!
[Бунин, 2014, с. 103]

В ряде текстов ворон символизирует нравственное падение человека, то есть смерть души. К такому следует отнести стихотворение К. Вагинова «Ворон» [Вагинов, 2008, с. 216]. Его ге-

рой похож на Ларру из повести М. Горького – высокомерен, жесток, считает, что мир должен лежать у его ног. Все, что он делает, стоит на горе и ждет, когда река времени принесет ему жертву. Насытившись крови, он чувствует себя счастливым и еще более привлекательным:

И чудится мне, что я пью ясный сок,
Что бабочкой переливаюсь
[Вагинов, 2008, с. 216]

Необходимо отметить, что бабочка в русской поэзии олицетворяет границу между жизнью, искусством и смертью. Подобные мотивы можно встретить в поэзии А. Фета, К. Бальмонта, И. Анненского, В. Набокова, И. Бродского, Б. Рыжего и др, а возведение смерти в ранг красоты свойственно поэтике символизма.

Ворон также может предсказывать расставание любимых и является воплощением умирающей любви. Подобные мотивы можно встретить в поэзии М. Цветаевой. Так, в стихотворении «Хочу у зеркала, где муть...» [Цветаева, 2016, с. 211] лирическая героиня страдает от безразличия любимого. Провожая его в плавание, она так и не получает ответа, куда он направляется. Наблюдая за воронами, кружащими над вечерними полями, она осознает, что эта встреча последняя, и как бы слышит слова прощания, которые, по всей видимости, обращены к ней: «Благословляю Вас на все четыре стороны» [Цветаева, 2016, с. 211]. Эта реплика прерывает внутренний монолог и показывает, что герою она безразлична, и что любовь жила только в ее душе, но теперь эта любовь обречена на гибель.

Похожие мотивы можно найти и в стихотворении «Вчера еще в глаза глядел» [Цветаева, 2016, с. 314], где жаворонки обращаются воронами. Все стихотворение являет собой плач, прерываемый рефреном «мой милый, что тебе я сделала» [Цветаева, 2016, с. 314]. Вороны, разрывающие душу брошенной, растоптанной, несчастной героини, является одним из знаковых в поэзии М. Цветаевой, и комплекс вины женщины перед мужчиной красной нитью проходит сквозь всю любовную лирику.

Таким образом, изображение ворона как символа смерти получило широкое распространение в русской и китайской культуре. Он может олицетворять как физическое разложение, так и нравственное падение человека – жестокость, надменность, властолюбие. Образ ворона-палача сопряжен с мотивами увядания, скоротечности

земного времени, разрушением культурных ценностей, исторической правды, а также порождать апокалиптические мотивы, возводя ворона в ранг слуги дьявола, низвергающего христианские устои.

«Отгадай-ка, – молвит он, – который век на белом свете я живу»: ворон как символ вневременности

В одной из легенд есть упоминание о вороне как о долгожителе: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всего только тридцать три года?» [Пушкин, 2022, с. 56]. В древних мифах и сказаниях многих народов ворон является символом мудрости и долголетия. Так, в Англии эти птицы символизируют монархию и охраняют королевскую семью. Культ почитания воронов как хранителей древних британских традиций сохранился и по сей день: на протяжении сотен лет в крепости Тауэр проживают 7 воронов – стражей британской империи.

Ворон – воплощение вневременности, связующая нить между миром живых и царством мертвых. Не случайно именно эта птица сопровождает древних богов. Например, в германско-скандинавской мифологии Одина сопровождают два ворона – Хугин и Мунир. У древних восточных славян эти птицы являлись слугами Чернобога. Колдуны, ведьмы и чернокнижники, обладавшие древними знаниями, обращались воронами.

В древнеазиатской мифологии встречается трехлапая ворона – 三足鸟. «„Трехлапый ворон“, живущий на солнце, – олицетворение ян<ь>. Три его ноги символизируют фазы движения: восход, зенит, закат; могут означать и Великую Триаду (три величайших силы космоса): Небо, Землю и Человека» [Хань, 2015, с. 87]. Таким образом они символизируют само мироздание и являются хранителями космического порядка: 但是无论东方还是西方, 因为乌鸦和太阳联系十分紧密, 几乎有太阳崇拜的民族便伴随着乌鸦崇拜, 因此乌鸦崇拜的范围十分广泛[齐鸽, 2018] (<...> ворона очень тесно связана с солнцем, почти все народы, поклоняющиеся солнцу, поклоняются вороне, поэтому сфера поклонения вороне очень широка). Китайские народы почитали эту птицу за мудрость и благородство, заботу о своем потомстве и дар предсказателя.

Образ мудрого ворона широко распространен и в русской культуре, он встречается в баснях и по-

словицах, например, «Старый ворон не каркнет даром», «Ворон мудрый, а сидит на отбросах» и т. д. Эти положительные коннотации ворон приобрел благодаря метафорическому долготетию. Поэтому в ряде текстов ворон предстает как символ вечности или вневременности, он нематериален и представляет собой нечто вроде духа, хранителя мирового порядка, обладающего знаниями земного и загробного мира. Одним из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих эту идею, является стихотворение М. Петровых «Черный ворон, черный вран» [Петровых, 2012, с. 219].

В первом стихе соединяются два временных пласта – древность и современность. Словоформа «вран» восходит к праславянской эпохе, о чем свидетельствует его фонетическая структура. Получается, ворон – птица, время которой – вечность. Таким образом создается антитеза – время, олицетворяющее конечность человеческого существования, и вневременности, воплощением которого служит древний ворон, проникающий сквозь века. Об этом свидетельствуют и слова самого ворона, сознающего в краже человеческих жизней:

Я украл ваш краткий век.
Сколько вас пошло травой,
Я один за всех живой.
[Петровых, 2012, с. 219]

Вопрос, «был ты вором или не крал» [Петровых, 2012, с. 219], возникающий в сознании героини, на наш взгляд, обусловлен тем, что ворон тесно связан со смертью. Однако умирание – процесс столь же естественный, как рождение, и ворон не распоряжается судьбой, а выполняет функцию провожатого человеческих душ, помогая им совершить переход из одного состояния в другое. Человеку сложно осознать свою «конечность» и потому в вопросах экзистенциального характера он привык полагаться на волю высших сил. Ворон же как связующая нить между миром людей и миром богов, владеет тайнами как жизни, так и смерти, и потому является воплощением мудрости. Он, понимая, насколько уязвим и ограничен человеческий ум, говорит героине то, что она хочет слышать. Параномазия «вран» – «крал» – «врал» порождает ряд сложнейших антиномий, таких как время конечно (относительно человека) – время бесконечно (относительно мироздания), смерть есть (тело тленно) – смерти нет (душа бессмертна) и т. д. Она ориентирует примитивное сознание сугубо на негативную и

скомпрометированную сферу деятельности ворона, однако героине удается раскрыть обман и понять, насколько ворон мудр и благороден: слова птицы звучат как снисходительная ирония, но, сознаваясь во лжи, он отдает дань уважения человеку, интересующемуся вопросами бытия.

В качестве хранителя мироздания и истины ворон выступает и в стихотворении И. Бунина «На распутье в диком древнем поле» [Бунин, 2014, с. 206]. Лирический герой пребывает в состоянии экзистенциального кризиса: пройдя определенный отрезок жизненного пути, он не может определиться, куда двигаться дальше. Его взгляд приковывает безмолвствующий ворон, сидящий на кресте. Черная птица олицетворяет в стихотворении вечность, поскольку она одна не тронута увяданием. Окружающий мир претерпевает метаморфозы, тлеет, порастает травой забвения:

Заросла бурьяном степь на воле,
и в траве заржавел старый щит.
[Бунин, 2014, с. 206]

Пейзаж выражает идею тщеты всего сущего. Ее же выражает и крест, и надпись на нем. С точки зрения геометрии, крест – это фигура из двух пересекающихся под углом линий. Предположим, что точка пересечения линий – это человек в пространственно-временной плоскости. Так, луч, идущий вверх от точки – будущее человека, идущий вниз – его прошлое. Горизонталь – настоящее с множественностью вариаций. От того, пойдет ли человек, условно говоря по правой грани или по левой, зависят незначительные измерения в его жизни, но итог всегда один – смерть. Об этом свидетельствует послание: пойдешь прямо – умрешь, налево – умрешь, направо – тоже умрешь, а назад пути нет, потому что прошлое уже умерло. И действительно, человек может менять будущее, условно переворачивая крест, но сама фигура, олицетворяющая судьбу и неизбежность, не поменяет свою структуру. Глядя на заросший травой щит, герой понимает, что такая же участь ждет и его, и потому он обращается к птице:

Жутко мне! Вдали стоят могилы
В них былое дремлет вечным сном
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом»
[Бунин, 2014, с. 206]

Но ворон безмолвствует, потому что не должен вмешиваться в естественный ход времени и вершить человеческие судьбы. Его задача – хранить тайну мироздания, дабы человек, узнав ее, не вверг себя в отчаяние и не умирал, будучи еще живым.

«Когда кто-то умирает, его душу в страну мертвых уносит ворон. Но иногда... лишь иногда... Ворон приносит эту душу обратно, чтобы восстановить порядок вещей» – этими словами начинается х/ф «Ворон», описывающий историю музыканта Эрика Дрейвена и его невесты, ставших жертвами жестокой банды. Ворон вернул героя на землю и сделал его бессмертным и неуязвимым, чтобы отомстить убийцам за то, что они вмешались в судьбу и нарушили естественный ход вещей. Ворон как воплощение справедливого возмездия за невинно отнятые жизни встречается и в литературе, в частности, в стихотворении И. Одоевцевой «Толченное стекло» [Одоевцева, 1988, с. 172]. Его герой – солдат, совершивший преступление ради наживы:

Семь тысяч. Целый капитал
Мне здорово везло:
Сегодня в соль я подмешал
Толченное стекло
[Одоевцева, 1988, с. 172]

Жена, узнав о его поступке, обвиняет героя, но тот, зная о последствиях, о том, в каких муках погибнут случайные люди, не придает этому значения и просит лишь поставить свечи за упокой, и отправляется в «Рай» – чайную. Этой же ночью к дому, где они жили, прилетает ворон, и жена понимает, что скоро в их семью придет горе. Чтобы спастись, она молится, а муж, едва петух прокричал дважды, злится и не может попасть в «Рай», ибо он для него стал недоступен. Петух в данном случае символизирует солнце, победу тьмы над светом, он также предвещает трагичную развязку герою, потерявшему этот божественный свет души, осознанно принеся человеческую жертву. Когда вороны пришли на вторую ночь, они заслонили собой весь дом, но солдат спал, совесть его не проснулась. На третий день герой увидел, как везут семь гробов – тех людей, которые умерли, наевшись стекла. Тогда он затрясся и побелел, услышав похоронный звон. С момента смерти человека до момента захоронения проходит три дня, столько времени нужно душе, чтобы отделиться от тела. Но вороны знали о гибели селян с первого дня, по-

этому и предупреждали, что скоро придет возмездие. Возможно, они ждали раскаяния, но единственная, кто горевал о невинных душах – жена солдата. И потому вместе с детьми она избежала кары. Наконец, на третью ночь вороны пришли в последний раз. Герой чувствовал, что скоро умрет. Об этом говорила ему и природа:

Ущербная взошла луна,
Солдат ложится спать,
Как гроб тверда и холодна
Двухспальная кровать!
[Одоевцева, 1988, с. 173]

Убывающая луна – время очищения. В этот период маги и колдуны проводили обряды на снятие порч, сглазов и т. д. И наконец, появляется ворон-мститель вместе с душами, загубленными героем. Они тоже превратились в черных птиц. Здесь ворон – посланник бога, праведник, о чем свидетельствует метафора «вороний поп» Солдат тщетно кается, в надежде спастись, но вороны беспристрастны и неумолимы. Однако их месть не в том, чтобы забрать душу убийцы: они передают ее забвению:

И отнесли его туда,
Где семь кривых осин
Питают мертвая вода
Чернеющих трясин
[Одоевцева, 1988, с. 174]

Финал стихотворения выражает идею о смерти не как о переходе из одной формы существования в другую, а как о полном исчезновении души, и изображает ворона как хранителя порядка и справедливости.

Заключение

Таким образом, образ ворона в литературе и культуре России и Китая имеет широкий спектр семантических векторов, два из которых мы рассмотрели в первой части нашего исследования. Ворон как смертельный символ – это неизменный спутник войны и катаклизмов, страшных болезней и стихийных бедствий, он поедает плоть человека или забирает его душевные силы. Нередко он орнаментирует батальные сцены или выступает в роли демона апокалипсиса. Одновременно с этим в русской и китайской культуре ворон является символом мирового порядка, хранителем тайн мироздания и связующей нитью между миром живых и царством мертвых. Он обладает

мудростью, недоступной человеческому разуму. Существова в веках, он не подвержен тлению и олицетворяет вечность, помогает обрести вечный покой душам, окончившим земной путь, и позволяет восстановить справедливость, если нарушается естественный ход вещей. Во второй части нашего исследования мы продолжим рассмотрение символического потенциала образа ворона в русской и китайской поэзии, акцентировав внимание на пророческой ипостаси ворона и воплощении в этом образе идей экзистенциального одиночества человека в мироздании, свободы, независимости и бунтарского духа.

Библиографический список

1. Абакарова Э. Г. Символическая концептуализация семейных отношений в орнитоморфных символах проективного теста «Птица» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №2. С. 250–257.
2. Абашева Д. В. Символ птички в произведении Г. Х. Андерсена «С крепостного вала» и в переложении И. З. Сурикова «Птичка и солнечный луч» // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 131–137.
3. Бельская Л. Л. «Стихи мои! Свидетели живые...»: Три века русской поэзии. Москва : Флинта, 2016. 380 с.
4. Бобылева Н. И., Есеева О. В. Семиотика отношений «волк – собака – человек» и их отражение в текстах культуры // Культура и общество. 2014. № 2. С. 91–101.
5. Болдырева О. Н., Линлу Ао, Сунь Жаньжань Зодиакальные животные в русских и китайских идиомах // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2. С. 31–44
6. Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинятиной. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, Вита Нова, 2014. С. 103.
7. Бурнаков В. А. Образ врановых птиц в мировоззрении хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. №4. С. 346–362.
8. Бычков Ю. А., Лукина О. Г., Рэш О. В. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера // Вестник МГУКИ. 2019. № 5. С. 42–50.
9. Вагинов К. К. Козлиная песнь / Романы, стихи. Москва : Эксмо, 2008. 608 с.
10. Верина У. Ю. Птица в «страшном мире» Геннадия Гора // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 198–207.
11. Грудева Е. В. Особенности функционирования орнитонимов в русском языке (корпусное исследование) // Череповецкий государственный университет. 2015. №4. С. 72–78.
12. Джанумов С. А. Образы орла и ворона в творчестве А. С. Пушкина // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. С. 109–118.
13. Дубинина Т. Г. Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. №1 (21). С. 27–33.
14. Кравцова М. Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая: энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Москва : Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство – 2010. С. 183–200.
15. Купчик Е. В. Образ ворона в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 2001. № 5. С. 545–549.
16. Лазарев С. С. Метафизическое время – Альфа и Омега процессуальности, онтологической и гносеологической // Палеонтологический ин-т им. А. А. Борисяка РАН. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/lazarev_metafizicheskoe.html (дата обращения: 27.01.2023).
17. Нагина К. А. В «лабиринте сцеплений» между войной и охотой: волки в романе Л. Толстого «Война и мир» // Вестник ВГУ. 2017. №1. С. 28–32.
18. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / вступ. статья К. Кедрова; послесл. А. Сабова. Москва : Худож. лит., 1988. 334 с.
19. Петрарка Ф. Сонеты : сборник. На итальянском языке с параллельным русским текстом. Москва : Радуга, 2004. 672 с.
20. Петровых М. С. Великие поэты мира. Москва : Эксмо, 2012. 352 с.
21. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с.
22. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Санкт-Петербург : Азбука, 2022. 480 с.
23. Рыбина М. С. Метафора птицы в «Поисках утраченного времени» М. Пруста // Мир науки, культуры, образования. 2020. №3. С. 382–384.
24. Рябцева Н. Е. Художественное своеобразие орнитологической символики в поэзии Инны Лиснянской и Светланы Кековой // Известия ВПГУ: филологические науки. 2019. № 7. С. 226–229.
25. Тропкина Н. Е., Хань У. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия ВПГУ. 2014. № 7. С. 124–129.
26. Тропкина Н. Е. Русская поэзия 1917–1921 годов: художественные искания поэтов Серебряного века. Волгоград : Перемена, 1995. 244 с.

27. Федотов О. И. Ласточка как мифологема души (Интертекстуальные связи «Ласточек» Ходасевича) // Птица как образ, символ, концепт в русской литературе. Москва : Книгодел, 2019. С. 165–181.
28. Хазанкович Ю. Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 4. С. 177–182.
29. Хань У. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX в. Волгоград, 2015. 181 с.
30. Цветаева М. И. Хочу у зеркала, где мать (сборник). Москва : Издательство АСТ, 2016. 320 с.
31. Цзин Цзинши Орнитологические образы в поэзии Арсения Тарковского: истоки и художественная семантика. Волгоград, 2021. 173 с.
32. Цюй Юань Стихотворения. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Кристалл», 2000. 336 с.
33. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 304 с.
34. Müller W. Die Winterreise: Nachwort v. Dietrich Fischer-Dieskau. Berlin : Insel Verlag, 2015. 56 с.
35. Poe E. A. Poems. Moscow : Raduga Publishers, 1988. 419 с.
36. Rimbaud A. Rimbaud oeuvres. Moscou : arc en ciel, 1988. 544 с.
37. 冯静.中西方文化中的乌鸦意象探析[J].齐鲁学刊,2002(05):99–101.
38. 张昊辰.中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J].青年文学家,2018(30):91–94.
39. 李时珍:本草纲目/紫图选编。——西安:陕西师范大学出版社, 2012.
40. 李时珍:本草纲目/紫图选编。——西安:陕西师范大学出版社, 2012.
41. 章磊.浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J].俄语学习,2018(06):10–15
42. 胡适:尝试集/胡适。北京:华夏出版社, 2009.
43. 陈梅,王孝杰.简析中外文化中的乌鸦意象[J].哈尔滨学院学, 2007(09):96–100.
44. 高聚斌.中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J].青年文学,2009(10):21+164.
45. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D].山东大学, 2018.
46. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九,《四库全书存目丛书》集部别集类,第471册,齐鲁书社1997年.
- Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. 2017. №2. S. 250–257.
2. Abasheva D. V. Simvol ptichki v proizvedenii G. H. Andersena «S krepostnogo vala» i v perelozhenii I. Z. Surikova «Ptichka i solnechnyj luch = The bird symbol in H. C. Andersen's «From the rampart» and I. Z. Surikov's paraphrases «The Bird and the Sunbeam» // Ptica kak obraz, simvol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 131–137.
3. Bel'skaja L. L. «Stihi moi! Svideteli zhivye...»: Tri veka russkoj poezii = «My poems! Living witnesses...» Three centuries of Russian poetry. Moskva : Flinta, 2016. 380 s.
4. Bobyleva N. I., Eseeva O. V. Semiotika otnoshenij «volk – sobaka – chelovek» i ih otrazhenie v tekstah kul'tury = Semiotics of the «wolf-dog-human» relationship and its reflection in cultural texts // Kul'tura i obshhestvo. 2014. № 2. S. 91–101.
5. Boldyreva O. N., Linlu Ao, Sun' Zhan'zhan' Zodiakal'nye zhivotnye v russkikh i kitajskih idiomah = Zodiac animals in Russian and Chinese idioms // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema. 2020. № 2. S. 31–44
6. Bunin I. A. Stihotvorenija : v 2 t. = Poems: in 2 vols. / Vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. T. Dvinjatinov. Sankt-Peterburg : Pushkinskij dom, Vita Nova, 2014. S. 103.
7. Burnakov V. A. Obraz vranovyh ptic v mirovozzrenii hakasov = The image of ravens in the Khakass worldview // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010. №4. S. 346–362.
8. Bychkov Ju. A., Lukina O. G., Rjesh O. V. Mifologicheskie obrazy pticy i ornitomorfnaia simbolika v tradicionnyh kul'turah narodov Severa = Mythological images of birds and ornithomorphic symbolism in traditional cultures of Northern peoples // Vestnik MGUKI. 2019. № 5. S. 42–50.
9. Vaginov K. K. Kozlinaja pesn' = The goat's song / Romany, stihy. Moskva : Jeksmo, 2008. 608 s.
10. Verina U. Ju. Ptica v «strashnom mire» Gennadija Gora = A bird in Gennady Gora's «scary world» // Ptica kak obraz, simvol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 198–207.
11. Grudeva E. V Osobennosti funkcionirovanija ornitonimov v russkom jazyke (korpurnoe issledovanie) = Specific functioning of ornithonyms in Russian (corpus research) // Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet. 2015. № 4. S. 72–78.
12. Dzhanumov S. A. Obrazy orla i vorona v tvorchestve A. S. Pushkina = Images of the eagle and the raven in A. S. Pushkin's work // Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kul'ture i jazyke : kollektivnaja monografija. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. S. 109–118.
13. Dubinina T. G. Mifologema pticy v «tainstvennyh» povestjah i «Stihotvorenijah v proze» I. S. Turgeneva = The bird mythologeme in Turgenev's «mysterious» novels and «Poems in prose» // Vestnik

Reference list

1. Abakarova Je. G. Simvolicheskaja konceptualizacija semejnyh otnoshenij v ornitomorfnyh simbolah proektivnogo testa «Ptica» = Symbolic conceptualization of family relationships in the ornithomorphic symbols of the «Bird» projective test //

Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2016. №1 (21). S. 27–33.

14. Kravcova M. E. Ikonograficheskie principy buddijskogo izobrazitel'nogo iskusstva = Iconographic principles of Buddhist visual art // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija : v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. Moskva : Vost. lit., 2006. T. 6 (dopolnitel'nyj). Iskusstvo – 2010. S. 183–200.

15. Kupchik E. V. Obraz vorona v poezii B. Okudzhavy, V. Vysockogo i A. Galicha = The raven's image in the poetry of B. Okudzhava, V. Vysotsky and A. Galich // Mir Vysockogo: Issledovaniya i materialy. 2001. № 5. S. 545–549.

16. Lazarev S. S. Metafizicheskoe vremya – Alfa i Omega processual'nosti, ontologicheskoy i gnoseologicheskoy = Metaphysical time is the Alpha and Omega of ontological and epistemological proceduralism // Paleontologicheskij in-t im. A. A. Borisjaka RAN. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/lazarev_metafizicheskoe.html (data obrashhenija: 27.01.2023).

17. Nagina K. A. V «labirinte sčepenij» mezhdru vojnoj i ohotoj: volki v romane L. Tolstogo «Vojna i mir» = In the «labyrinth of linkages» between war and hunting: Wolves in Leo Tolstoy's novel War and Peace // Vestnik VGU. 2017. №1. S. 28–32.

18. Odoevceva I. V. Na beregah Nevy: Literaturnye memuary = On the Neva banks: Literary memoirs / vstup. stat'ja K. Kedrova; poslesl. A. Sabova. Moskva : Hudozh. lit., 1988. 334 s.

19. Petrarka F. Sonety : sbornik. Na ital'janskom jazyke s parallel'nym russkim tekstom = Sonnets : a collection. In Italian with a parallel Russian text. Moskva : Raduga, 2004. 672 s.

20. Petrovyh M. S. Velikie pojety mira = The great poets of the world. Moskva : Jeksmo, 2012. 352 s.

21. Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke = The Bird as an image, symbol, and concept in literature, culture, and language : kollektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. 504 s.

22. Pushkin A. S. Kapitanskaja dochka = The Captain's daughter. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2022. 480 s.

23. Rybina M. S. Metafora pticy v «Poiskah utrachennogo vremeni» M. Prusta = The bird metaphor in M. Proust's «In Search of the Lost Time» // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. №3. S. 382–384.

24. Rjabceva N. E. Hudozhestvennoe svoeobrazie ornitologicheskoy simboliki v poezii Inny Lisnjanskoy i Svetlany Kekovoj = Artistic originality of ornithological symbolism in the poetry of Inna Lisnyanskaya and Svetlana Kekova // Izvestija VPGU: filologicheskie nauki. 2019. № 7. S. 226–229.

25. Tropkina N. E., Han' U. Obraz vorona v kitajskoj i russkoj poezii = The raven's image in Chinese and Russian poetry // Izvestija VGPU. 2014. № 7. S. 124–129.

26. Tropkina N. E. Russkaja poezija 1917–1921 godov: hudozhestvennye iskanija pojetov Serebrjanogo veka = Russian poetry in 1917–1921: Silver Age poets' artistic quests. Volgograd : Peremena, 1995. 244 s.

27. Fedotov O. I. Lastochka kak mifologema dushi (Intertekstual'nye svjazi «Lastoček» Hodasevicha) = The Swallow as a mythologeme of the soul (Intertextual connections in Khodasevich's «Swallows») // Ptica kak obraz, simbol, koncept v russkoj literature. Moskva : Knigodel, 2019. S. 165–181.

28. Hazankovich Ju. G. Arhetip «volka» v fol'klore i literature = The «wolf» archetype in folklore and literature // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2009. № 4. S. 177–182.

29. Han' U. Ornitologicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj poezii pervoj treti XX v. = Ornithological images in Russian and Chinese poetry in the first third of XX century. Volgograd, 2015. 181 s.

30. Cvetaeva M. I. Hochu u zerkala, gde mut' (sbornik) = Before a mirror (collected poems). Moskva : Izdatel'stvo AST, 2016. 320 s.

31. Czin Czinshi Ornitologicheskie obrazy v poezii Arsenija Tarkovskogo: istoki i hudozhestvennaja semantika = Ornithological imagery in Arseny Tarkovsky's poetry: origins and artistic semantics. Volgograd, 2021. 173 s.

32. Cjui Juan' Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Izdatel'skij Dom «Kristall», 2000. 336 s.

33. Jepshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj. Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii = Nature, the world, the secret of the universe. The system of landscape images in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 304 s.

34. Müller W. Die Winterreise: Nachwort v. Dietrich Fischer-Dieskau. Berlin : Insel Verlag, 2015. 56 s.

35. Poe E. A. Poems. Moscow : Raduga Publishers, 1988. 419 s.

36. Rimbaud A. Rimbaud oeuvres. Moscou : arc en ciel, 1988. 544 s.

37. 冯静. 中西方文化中的乌鸦意象探析[J]. 齐鲁学刊, 2002(05):99–101.

38. 张昊辰. 中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J]. 青年文学家, 2018(30):91–94.

39. 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012.

40. 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012.

41. 章磊. 浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J]. 俄语学习, 2018(06):10–15

42. 胡适 : 尝试集/胡适。北京 : 华夏出版社, 2009.

43. 陈梅,王孝杰.简析中外文化中的乌鸦意象[J].哈尔滨学院学, 2007(09):96–100.

44. 高聚斌.中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J].青年文学,2009(10):21+164.

45. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D].山东大学, 2018.

46. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九,《四库全书存目丛书》集部别集类,第471册,齐鲁书社1997年.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 11.12.2022; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.